

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-64-72>

Региональная специфика фитообразов в произведениях приморского писателя Михаила Деменка (к 85-летию со дня рождения)

Ирина Александровна Маринченко¹, Елена Васильевна Васильева²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ irmarinchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6013-2556>

² biblioussdvfu@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6771-3732>

Аннотация. Статья посвящена анализу функционально-семантической специфики разноуровневой репрезентации компаративных конструкций, включающих фитообразы, в творчестве приморского прозаика Михаила Степановича Деменка (1937–2016). Цель исследования – описать региональную специфику, семантические особенности и функции компаративных образных структур в произведениях дальневосточного писателя-натуралиста. Исследование проводится в функционально-стилистическом аспекте и опирается на когнитивный подход к сравнению как значимому компоненту художественно-поэтической картины мира, отражающему языковую личность автора. Результаты исследования показывают, что в прозе Михаила Деменка фитообразы представлены тремя основными парадигмами: «растение–человек», «растение–животное», «растение–вещи и сооружения, созданные человеком». Региональный характер носит метафорическая модель *женьшень – человек*; образное сближение деревьев и животных – эндемиков края (*нарост на березе – тигр, ветви – рога изюбра*); уподобление тайги океану (*дерево – коралл, лиана – осьминог*). Компаративные образы, основанные на индивидуальных авторских ассоциациях, имеют значительную смысловую и стилистическую нагрузку в тексте, выполняя перцептивно-образовательную, экспрессивную, эмоционально-оценочную и эстетическую функции. В принципах их использования прослеживается влияние этнокультурных стереотипов. Наряду с характерными для прозаического текста союзными способами выражения сравнения, обеспечивающими наглядность и реалистичность фитообразов, автор включает в произведения и другие компаративные конструкции, обладающие высокой степенью образной конкретизации: творительный сравнения, генитивную метафору, метафорические приложения и т. д. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что фитообразы в полной мере раскрывают художественно-поэтическую картину мира писателя-натуралиста, в которой человек и природа неразрывно связаны и находятся в гармоническом единстве.

Ключевые слова: Михаил Деменок, категория компаративности, компаративная конструкция, образное сравнение, фитообраз, образные парадигмы сравнений, региональная специфика, стилистическая функция, художественно-поэтическая картина мира, природоведческая литература

Для цитирования: Маринченко И. А., Васильева Е. В. Региональная специфика фитообразов в произведениях приморского писателя Михаила Деменка (к 85-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 4. С. 64–72. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-64-72>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The regional specific features of phytoimages in the works by the Primorye writer Mikhail Demenok (to the 85th anniversary of the birth)

Irina A. Marinchenko¹, Elena V. Vasil'eva²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ irmarinchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6013-2556>

² biblioussdvfu@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6771-3732>

Abstract. The article examines the functional-semantic peculiarities of the multi-level representation of comparative constructions that include phytoimages obtained from the works by the Primorye prose author Mikhail Stepanovich Demenok's (1937–2016). The study aims to describe the regional specific features, semantic peculiarities and functions of figurative comparative constructions (similes) used in the Far Eastern naturalist writer's works. The research was performed within the framework of functional stylistics. It relies on the cognitive approach to simile as a significant component of the artistic and poetic picture of the world that reflects the writer's language personality. The obtained results demonstrate that phytoimages in Mikhail Demenok's prose are represented by three main paradigms: "a plant – a human", "a plant – an animal", "a plant – things and structures created by man". The metaphorical model *ginseng – a human*, figurative convergence of trees and endemic animals of Primorye (*a gnarl on a birch – a tiger*, *branches – a Manchurian wapiti's antlers*), comparing taiga to the ocean (*a tree – a coral*, *a liana – an octopus*) are regional in nature. The simile images that are based on the writer's individual associations are semantically and stylistically charged in the text. They perform the perceptual-figurative, expressive, emotional-evaluative, and aesthetic functions. The impact of ethnocultural stereotypes can be traced in the principles of using such simile images. Along with similes as comparison words (i. e. with syndetic coordination), which ensure that the phytoimages are vivid and realistic, Mikhail Demenok employs in his works other figurative comparative constructions with a high degree of figurative concretisation. These include the instrumental of comparison, the genitive metaphor, metaphorical appositions, and other linguistic means. The research results make it possible to conclude that phytoimages fully reveal the naturalist writer's artistic-poetic picture of the world in which man and nature are inextricably linked, are in perfect harmony.

Keywords: Mikhail Demenok, category of comparison, comparative construction, simile, phytoimage, figurative paradigms of comparisons, regional specific features, artistic-poetic world picture, natural history literature

For citation: *Marinchenko I. A., Vasil'eva E. V.* The regional specific features of phytoimages in the works by the Primorye writer Mikhail Demenok (to the 85th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2022;83(4):64–72. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-64-72>.

Введение. Михаил Степанович Деменок (1937–2016) — эколог, лесовод, член Союза писателей России, автор замечательных книг об уссурийской тайге. Восхищение неповторимой и многообразной красотой природы родного края звучит в поэтических названиях его произведений: «Птичий секрет» (1987), «Окно в распахнутый мир» (1990), «Желудевый дождь» (1991), «Тропа уссурийского тигра» (1992), «Поклонись зеленому кедр» (2001), «Дерево черного жемчуга» (2004), «Таежные рубины» (2004), «Уссурийская пальма» (2004), «Ясень — значит ясно» (2004), «Аленький цветок Арсеньева» (2009), «Зимняя ягода» (2010) и др.

Основной жанр произведений Михаила Деменка — это очерк или короткий рассказ (зарисовка), в котором особое внимание уделено изображению уникального растительного мира южных предгорий Сихотэ-Алиня, являющегося «визитной карточкой» региона. Образы растительного царства, созданные писателем, достоверны с научной точки зрения, доступны для детского восприятия и одновременно художественно-выразительны — недаром земляки называют его «дальневосточным Пришвиным». В творческом переосмыслении автора приморская тайга предстает как сад, который вырастила сама чудесница-природа [Деменок 1990: 8]. Наполненный птичьим

многоголосием зимний лес с фантастическими фигурами заснеженных деревьев кажется рассказчику скульптором и музыкантом [Там же: 47]. Тайга Михаила Деменка — средоточие всевозможных чудес, передающихся в местных сказаниях и легендах. Например, о том, что дремучий кедр, где громадные столетние кедр растут сплошь, а вершины деревьев в золотых желваках смолы, надежно прячет заветную плантацию женьшеня Дерсу Узалы, которую никто не может отыскать. Тайга обладает несметными богатствами: тут и женьшень — аленький цветок Арсеньева, и хлебное дерево — кедр, и лимонник китайский, из которого делают целебный напиток, и приморские чудесницы медоносы — липы [Там же: 6–7]. Описывая природные сокровища, писатель подчеркивает, что они не безграничны: в современном мире им необходима защита человека. В вопросе о том, что нужно сделать сегодня, чтобы не оскудела окончательно уссурийская тайга, сквозит его боль и забота о судьбе родного края [Деменок 2001: 82].

В более широкой по своей проблематике статье «“Таежные сюрпризы” в детской прозе Михаила Деменка» мы уже отмечали, что «меткость авторского взгляда на мир природы особенно видна в компаративных структурах и тропах, где результаты познания приобретают форму сравнения,

аналогии, тождества, уподобления и т. д.» [Маринченко, Васильева 2021: 104]. Активное использование компаративных структур в природоведческой прозе писателя требует выявления стоящих за ними «мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре языковой личности» [Воркачев 2001: 65].

Слова и их значения, согласно теории Ю. Н. Караулова, образуют основу *вербально-семантического уровня языковой личности* [Караулов 2019]. Вербально-семантические средства реализуются на *мотивационном уровне*, т. е. на уровне использования языка в речевой деятельности. Соответственно, изучение образных парадигм требует постановки и решения вопросов о том, почему и с какой целью писатель применяет определенные компаративные структуры (парадигмы образов) в своих произведениях, какую мысль хочет выразить и передать с их помощью, какие коммуникативные установки являются для него приоритетными, как они влияют на выбор основной жанровой формы творчества и как связаны с ориентиром на адресат.

Цель статьи – описать семантику и функции образных парадигм, характеризующих растительный мир тайги в произведениях приморского писателя Михаила Деменка.

Материалом исследования послужили примеры, извлеченные из сборников рассказов М. С. Деменка «Окно в распахнутый мир», «Аленький цветок Арсеньева», «Дерево черного жемчуга».

Исследование построено на основе **когнитивного подхода** к выявлению специфики фитообразов как значимому компоненту художественно-поэтической картины мира и проводится с использованием методов функционально-стилистического анализа.

Актуальность темы исследования определяется тем, что в современной лингвистике активно обсуждаются проблемы изучения региональной языковой картины мира (далее: РЯКМ). В работах С. Х. Головкиной, Л. Н. Ляпиной, Н. С. Морозовой, Т. П. Рогожниковой, Г. С. Самойловой, Т. В. Симашко, Г. В. Судакова, М. В. Чилингарян, Е. Н. Шумковой и других ученых наряду с решением проблемы семантической определенности данного термина рассматриваются различные

методики реконструкции РЯКМ, описываются ее фрагменты (диалектный материал, топонимы, поэтическая ономастика, жанровые особенности региональных текстов, регионально значимые культурные концепты) [Язык и культура... 2013]. По мнению педагогического сообщества, региональный подход в преподавании русского языка позволяет сделать более личностно значимыми содержание и результаты языкового образования. И самым доступным материалом для этого являются произведения местных авторов, в которых отражены социально-экономические, историко-культурные и природные особенности региона.

В данном исследовании мы стремимся показать, что анализ образного уровня репрезентации художественно-поэтической картины мира в произведениях того или иного автора достаточно полно раскрывает его языковую личность в аспекте региональной специфики.

Анализ. 1. Теоретические аспекты изучения категории компаративности. Компаративность (от лат. *comparativus* «сравнительный») – универсальная функционально-семантическая языковая категория, которая является отражением первоосновы когнитивных способностей человека – способности познавать окружающий мир путем сравнения одних явлений с другими. В сравнении устанавливается сходство, тождество, уподобление, различие объектов. Функционально-семантическая категория компаративности может быть реализована как лексическими, так и грамматическими средствами.

Категория сравнения является *когнитивной* категорией, поскольку установление сходства и различия продуцирует знание, *понятийной* – так как сравнение выступает начальной ступенью формирования логико-понятийных структур в мышлении человека, *языковой* – в силу того, что в языке происходит означивание сходного и разного [Конюшкевич 2018: 14].

М. И. Конюшкевич описывает языковую категорию сравнения как языкотворческую «категорию категорий» [Там же], в которой находят воплощение не только **процесс** выявления сходного и разного, но и «вербализованный **результат** установленных сходств и различий» [Там же: 9]. Такое понимание сравнения в языке значительно

расширяет представления о стоящих за ним структурах.

Разнородные компаративные конструкции, имеющие «свои структурно-семантические особенности, которые отражаются на лексической наполняемости этих тропов», объединяет то, что они «построены по единой схеме, передающей операцию сравнения»¹. Структурными компонентами сравнения как логической операции являются *субъект* сравнения (то, что сравнивается), *объект* сравнения (то, с чем сравнивается) и *признак* сравнения (общее у сравниваемых реалий).

Всеохватность сравнительной семантики размывает представления о границах средств, в которых она может реализоваться. **Компаративное пространство языка** включает «сравнительную конструкцию, предложно-падежные сочетания с предлогами *в виде, наподобие*, конструкции с предикативными словами *похож, напоминает*, творительный сравнения, родительный сравнения, сравнительное придаточное, метафоры разных структур и др.»².

Сравнение, понимаемое при различных трактовках как **стилистический прием, троп** или **фигура речи**, противопоставляется **метафоре** как одному из наиболее близких к нему видов тропов. Если в метафоре сближение предметов возведено на уровень мнимого тождества, то в сравнении проявляется лишь уподобление: «В полном сравнении все расчленено и как бы разложено по полочкам»³. Расчлененность мысли в сравнении отличает его от «недосказанной и загадочной» метафоры, в которой «один смысл просвечивает через другой»⁴. Между типичными трехчленными сравнительными конструкциями и типичными одночленными метафорами располагается множество переходных форм усеченного (для сравнения) или усложненного (для метафоры) типов. К ним, к примеру,

относят так называемый «творительный сравнения» (нос *крючком*), генитивную метафору-сравнение (*золото* волос), именную предикатную метафору, которая характеризуется как «свернутое» сравнение (*мой сосед – осел*) и т. д.

В соответствии с широким подходом к определению **средств выражения сравнительной семантики**, утвердившимся в лингвистической литературе последних десятилетий, в качестве анализируемого языкового материала мы рассматриваем не только ядерные (союзные) компаративные структуры, представленные сравнительным оборотом, полным и неполным придаточным предложением со значением сравнения, сравнением в составе именной части составного именного сказуемого, но и периферийные, в которых сравнительная семантика выражена лексическими и словообразовательными способами (глаголами *напоминать, казаться, выглядеть, походить, смахивать*; прилагательными *подобен, похож*; прилагательными, заканчивающимися на *-подобный, -образный*; сравнительными наречиями с приставкой *по-*), а также с помощью творительного сравнения, генитивной метафоры-сравнения, метафоры-приложения, сравнительных частиц, конструкций приравнивания и т. д.

Являясь одним из основных средств выразительности, образное сравнение способно в полной мере раскрыть перед читателем *личность автора*, его внутренний мир, духовные потребности и ориентиры, движущие им ценности и идеалы. В структуре *образного сравнения* (в отличие от *логического*) уподобляются явления разных семантических классов, что нарушает привычные границы их восприятия, усиливает «личностный колорит» и «живую энергию» мысли [Грехнев 1997: 14]: «В сравнении заключена самая суть образного мышления, его синтезирующий характер в осмыслении бытия» [Там же: 90].

Современная лингвистическая наука, учитывающая важность психологических характеристик субъекта речи, признает, что за сравнением всегда стоит «интуиция и фантазия, созерцание и воля, эмоции и мысль» говорящего [Там же]. В теории *когнитивной лингвистики* подчеркивается, что образное сравнение отражает особый способ концептуализации фрагментов

¹ Ушакова Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2005. С. 42.

² Там же. С. 3.

³ Бройтман С. Н. Тропы // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Титарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 276.

⁴ Там же.

действительности «на базе зримых, визуально воспринимаемых признаков» [Гольдберг 2013: 72]. Образное сравнение включается в список когнитивных схем языковой интерпретации объектов окружающего мира [Болдырев 2018]. Свойство образных сравнений выявлять универсальные, национальные или регионально обусловленные особенности мировосприятия представляет интерес для лингвокультурологии, которая изучает роль сравнений в репрезентации *концептуальной картины мира* [Самчик 2019].

Близость образного сравнения и других средств выражения компаративной семантики (прежде всего – метафоры) реализуется в их общей функциональной направленности – *конкретизации изображаемого*, а «конкретное, как известно, всегда полнее и богаче абстрактного. Сравнение – это всегда открытие...» [Грехнев 1997: 90]. Таким образом, слово «становится выражением индивидуально-неповторимых, как бы видимых внутренним зрением, целостных художественных образов»⁵. Образное сравнение акцентирует внимание адресата на тех или иных свойствах описываемых объектов, детализирует и индивидуализирует их, придает им «налет иллюстрированности» [Там же: 92].

2. Образные парадигмы, характеризующие растительный мир тайги, в произведениях Михаила Деменка. Названия классов, к которым относятся *субъект* и *объект* сравнения в составе компаративной конструкции, согласно термину, предложенному в известном словаре поэтических образов Н. В. Павлович, формируют *парадигмы образов*⁶.

Субъект сравнения в анализируемых образных структурах – *фитообраз*, вербализуется в языке *фитонимами*, т. е. наименованиями растений и их частей. Согласно нашим наблюдениям, фитообразы составляют самую большую и разнообразную по структуре и семантике группу субъектов

сравнения в произведениях Михаила Деменка. По тематической принадлежности объекта сравнения можно выделить: 1) антропоморфные сравнения (растения сравниваются с человеком); 2) зооморфные сравнения (растения сравниваются с дикими и домашними животными, птицами); 3) артефактные сравнения (растения сравниваются с вещами и сооружениями, созданными человеком).

Растение–человек

Следуя традициям, в частности свойственным детской природоведческой литературе, писатель наделяет растения антропоморфными чертами по признаку внешнего сходства (объективного или рожденного воображением): *С мохнатых елок, словно седые бороды, свисали зеленые пряди лишайников* [Деменок 1990: 46].

Региональный колорит передает широко известное среди жителей Приморья сравнение корня женьшеня с человеком (*женьшень* в переводе с китайского «человек-корень»), порождающее контекстуально обусловленную метафору: *Вскоре перед нами, обнажив желтое, как воск, тело, напоминающее чем-то туловище человека, во всей своей красе предстал легендарный женьшень* [Там же: 125]; *Корень как бы придерживал за руку точно такого же человечка* [Там же: 124].

В предложениях со сравнительными конструкциями «персонажи»-растения показаны в ситуации взаимодействия с наблюдателем, когда его внимание непосредственно обращено к ним: *Кругом машут тебе, словно приглашают на свидание, желтые, розовые, коричневые, голубые маковки цветов* [Там же: 21]; *Сейчас они <груши> стоят в затишье, словно невесты на смотринах, нарядные* [Там же: 8]. Интересен пример, в котором имя субъекта сравнения (*всадник*) и имя объекта (*сосна*) находятся в «грамматическом конфликте» по признаку рода: *Издали сосны похожи на скачущих всадников в зеленых бурках* [Там же: 12].

В отдельных случаях образ сравнения получает лексическое развертывание в метафоре-приложении. В сборнике «Окно в распахнутый мир» Михаил Деменок вспоминает, как он, пораженный беззащитностью ореховой роши, поспешил очистить ее от сухих осин, что *охлестывали и царапали ореховый молодняк, отвел руками боль от*

⁵ *Кожина М. Н.* Художественно-образная речевая конкретизация // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 585.

⁶ *Павлович Н. В.* Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2 т. Т. 2. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 896 с.

орехов-братьев... и они, будто расправив плечи, весело взметнулись ввысь, свободно раскинув ветви-руки [Деменок 1990: 31].

Растение—животное

Излюбленный образ сравнения из мира животных у Михаила Деменка — *грива лошади* — зачастую реализуется в форме творительного сравнения. Кедры и сосны, растущие на вершинах сопок, своими длинными иголками напоминают писателю густую, развевающуюся на ветру гриву скакуна: *А ведь до кедровника, что возвысился темно-сизой гривой на противоположном склоне, больше километра* [Там же: 29]. Возможно, такое предпочтение объясняется наличием у слова *грива* специального значения, отмеченного в толковых словарях: ‘ряд невысоких вытянутых увалов, разделенных ложбинами’⁷. Этимологически слово *грива* связано со словами *холм, гора*. На невысоких горах и увалах, именуемых в Приморье сопками, и *кучерявятся зеленые гривы сосен* [Деменок 2009: 126].

В компаративных конструкциях обнаруживается традиционное и распространенное в литературе образное сближение листьев и птиц по реально наблюдаемому признаку — способности к полету: *Листья, поднятые вверх, словно стаи птиц, парили высоко в небе* [Деменок 1990: 109]. Трепещущие на ветру листья деревьев напоминают взмахи крыльев готовящихся к отлету птиц: *Казалось, что листья сейчас взлетят в воздух и, как стаи птиц, запарят над лесом* [Там же: 30].

Динамичный характер картине изображаемого придает сравнение группы березок со стаей. Птичья стая собирается на время перелета — вот и деревья словно готовятся к передвижениям: *Перелески чередуются с прогалинами и луговинами, где стайками разбежались березки в своих светлых свадебных нарядах* [Там же: 10].

«Проясняющее начало конкретности и большую осязаемость смысла» [Грехнев 1997: 11] привносит в фитообраз подмеченное Михаилом Деменком сходство семян сосны со стрижами по признаку формы: *Под белоногими соснами <снег> был усеян коричневыми семенами, напоминающими крошечных стрижей* [Деменок 1990: 34]. Взглянув на мир глазами автора, юные

читатели начинают понимать, почему семена ясеня называются *крылатками*: они удивительно похожи на тонкие прозрачные крылышки насекомых: *Одновременно ветер срывал пучки семян с ветвей ясеней. Казалось, что над тайгой вьются стаи стрекоз* [Там же: 34]. Чешуйчатые шишки кедра с шетинистыми проростками напомнили писателю спрятавшихся в траве ежей, и он охотно делится своим открытием: *Шишки-паданки и сейчас лежали возле таежных великанов сплошными желтыми ежиками* [Там же: 137].

В народе пушистые шарообразные соцветия вербы, появляющиеся сразу после зимних холодов, называют *зайчиками, котиками, цыплятами*. Михаил Деменок сравнивает их с желтыми шмелями: *На голенастых веточках верб, словно желтые шмели, высипали пушистые соцветия* [Там же: 52].

В произведениях дальневосточного автора есть рассказы о встречах с тигром, услышанные от профессиональных звероловов и обычных жителей приморских сел. Писателю и самому не раз довелось увидеть хозяина уссурийской тайги. Неудивительно поэтому, что в конструкциях со значением сходства мы обнаруживаем образ этого легендарного хищника: *С ее ствола <ствола березы> свисает огромный кап — нарост причудливой формы. Он чем-то напоминает приплюснутую голову тигра с торчащими короткими ушками* [Там же: 31].

Эстетическое восприятие ветвей рябины, олив, осокоря как рогов лося, оленей уже нашло отражение в поэзии Н. Клюева, А. Тарковского, А. С. Кушнера [Павлович 2007: 604]. Однако, встречая подобное сравнение в прозе Михаила Деменка, местный житель безошибочно определит, что мощные раскидистые ветви маньчжурского ореха вызывают у писателя более конкретную ассоциацию с рогами изюбра — дальневосточного подвидом благородного оленя, славящегося грацией и красотой ветвистых рогов: *На небольшой поляне взметнулись ввысь десяток ореховых стволов, и каждый из них как капля воды был похож на своих собратьев — по высоте, толщине и даже по форме крон, ветви которых напоминали гладкие, отполированные рога оленей...* [Деменок 1990: 31].

Уподобление неба или бескрайней нивы морю (реке) традиционно для художественного описания среднерусской природы

⁷ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. С. 171.

(ср.: *море хлебов, волны ржи* и т. п.). В сознании жителей Приморья так же неразрывно связаны тайга и океан. Небезразличному наблюдателю *крутолобые сопки* напоминают *громады застывших океанских волн* [Деменок 1990: 4], а шум *раскачиваемых ветром медно-красных, словно отлитых из бронзы, деревьев-исполинов* — морской прибой [Там же: 7]. Детализацией образа океана, акцентированием представления о его обитателях можно считать появление в очерках Михаила Деменка упоминаний о кораллах и осьминогах: *Словно шупальцами осьминогов, обвиты они* <деревья> *лианами винограда, лимонника, актинидии* [Там же: 62]; *Шагаю по пойме ключа, любуясь узорными кружевами из пушистой изморози на заиндевших деревьях, похожих на белые кораллы* [Там же: 42].

Растение—вещи и сооружения, созданные человеком

Лес издавна символизировал для русских людей идею дома, его наиболее ценимые в народе качества: *В сосняке, как в хорошей избе, просторно и уютно* [Там же: 12]; *По обочинам тропинки, словно зеленые шатры, стоят раскидистые дубы* [Там же: 101]. Важным для писателя-природоведа является представление о лесе как о кладовой, где спрятаны *бесценные дары природы*: *Урочище ключа Пихтачного, который назван так из-за обилия пихты, можно сравнить с кладовой. Каких только грибов, ягод, орехов не встретишь там золотой осенью, а плодов лимонника!* [Там же: 7].

Стереотипные внешние признаки предметов быта и орудий труда, закрепленные в сравнении, способствуют объединению в авторском тексте изобразительного и выразительного начал: *Пустила ива в разные стороны свои корни, перевила ими, как стальными прутьями, глыбы земли* [Там же: 98]; *Будто свечи, стояли одни непривередливые голенастые осины* [Там же: 152]; *Там и тут из-под листовой подстилки тянулись к солнцу шильцами росточки черемши* [Деменок 2001: 84]; *Как невода, свисают лишайники* [Деменок 1990: 4].

Устойчивые выражения (*ласкает взор, радует глаз*), соседствуя с образами украшений (*ожерелье*) и атрибутов праздника (*гирлянды*), образующих оригинальные генетивные сравнения, позволяют понять, с чем связаны представления писателя

о красоте: *Ласкает взор черемуха азиатская с гирляндами белоснежных душистых цветов* [Деменок 1990: 8]; *Меж снежной навеси ожерелье розовых шишек* [Там же: 34].

Интересны и звуковые ассоциации в очерках Михаила Деменка. Так, «неживой» хруст и металлический шелест сухой листвы рисуют печальную картину осеннего увядания природы: *Урюмо и монотонно, как наждачная бумага, шуршала в их раскидистых кронах сухая листва* [Там же: 95]; *Рядом с соснами урюмо и монотонно, как жестянки, шумят засохшие листья на ветру* [Деменок 2009: 126]. Раскачивающаяся на ветру ель издаст звуки, которые не только свидетельствуют о внушительных размерах дерева, но и соотносятся с гулом моторов техники, работающей на лесосеках: *Вершина елки скользила по стволу <кедра>, издавая звуки, похожие на рокот трактора* [Деменок 1990: 78]. Эти звуки пробуждают тревогу автора-лесоведа о судьбе приморской тайги, которая со временем может превратиться в *лунный ландшафт* [Деменок 2004: 250], и вызывают размышления о том, что *надо быть другом природы, а не только гостем* [Там же: 45].

Выводы.

1. Образные компаративные структуры являются важным средством изображения растительного мира Уссурийской тайги в произведениях приморского писателя Михаила Деменка, обеспечивая сочетание научной достоверности и художественной выразительности, необходимое для природоведческой литературы.

2. Фитообразы формируют три основные образные парадигмы: *растение—человек, растение—животное, растение—вещи и сооружения, созданные человеком*. Основанием сравнения чаще всего служит субъективно воспринимаемое внешнее сходство. Выразительность образных соответствий в произведениях Михаила Деменка — это проявление творческой активности художника, его заинтересованного отношения к дальневосточной природе.

3. Семантика образных сравнений отражает авторскую художественно-поэтическую картину мира, основанную на представлении о том, что человек и природа образуют гармоническое единство.

4. Наиболее полно сравнение реализовано в конструкциях, где субъектом является *дерево* и его части (*листья — птицы*,

соцветия — шмели, семена — стрекозы, ветви — рога оленя, корни — проволока, стальные прутья и т. д.).

5. Региональная мифопоэтика выражена в компаративной модели *женщина — человек*, а природные особенности территории подчеркиваются образным сближением деревьев и животных — эндемиков края (*нарост на березе — тигр, ветви — рога изюбра*) или уподоблением тайги океану (*дерево — коралл, лиана — осьминог*).

6. Компаративные образы в произведениях Михаила Деменка выполнят преимущественно *перцептивно-изобразительную, экспрессивную, эмоционально-оценочную и эстетическую* функции. В принципах их использования прослеживается влияние этнокультурных стереотипов и связь с национальной поэтической традицией.

7. Отдавая предпочтение характерным для прозаического текста союзным способам выражения сравнения, обеспечивающим наглядность и реалистичность фитообразов, автор также включает в произведения и другие компаративные структуры, обладающие высокой степенью образной конкретизации: творительный сравнения, генитивную метафору, метафорические прилагательные и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 478 с.
2. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрических парадигм в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
3. *Гольдберг В. Б.* Образность как способ концептуализации действительности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1(34). С. 64–74.
4. *Грехнев В. А.* Словесный образ и литературное произведение: кн. для учителя. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. 197 с.
5. *Деменок М. С.* Аленький цветочек Арсеньева. Владивосток: [б. и.], 2009. 222 с.
6. *Деменок М. С.* Дерево черного жемчуга. Владивосток: Дюма, 2004. 280 с.
7. *Деменок М. С.* Окно в распахнутый мир. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1990. 212 с.

8. *Деменок М. С.* Поклонись зеленому кедр. Владивосток: Дюма, 2001. 272 с.

9. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 264 с.

10. *Конышев М. И.* На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках. Гродно: Гродненский ГУ им. Я. Купалы, 2018. 435 с.

11. *Маринченко И. А., Васильева Е. В.* «Таежные сюрпризы» в детской прозе Михаила Деменка // Русская речь. 2021. № 4. С. 97–107. <http://doi.org/10.31857/S013161170016217-7>.

12. *Самчик Н. Н.* Категория сравнения и этноязыковая картина мира // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3(28). С. 360–362. <http://doi.org/10.26140/bgз3-2019-0803-0090>.

13. Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. науч. тр. / отв. ред. Т. В. Сымашко. Архангельск: Соломбальская типография, 2013. 416 с.

REFERENCES

1. *Boldyrev N. N.* Language and knowledge system. Cognitive theory of language. Moscow: YASK Publishing House, 2018. 478 p. (In Russ.)
2. *Vorkachev S. G.* Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of anthropocentric paradigms in linguistics. *Filologicheskie nauki = Philological sciences. Scientific essays of higher education*. 2001;1: 64–72 (In Russ.)
3. *Goldberg V. B.* Imagery as a way of conceptualizing reality. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Issues of cognitive linguistics*. 2013;1(34):64–74 (In Russ.)
4. *Grakhnev V. A.* Verbal image and literary work: teacher's book. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 1997. 197 p. (In Russ.)
5. *Demенок M. S.* Arseniev's scarlet flower. Vladivostok: [without publisher], 2009. 222 p. (In Russ.)
6. *Demенок M. S.* Black pearl tree. Vladivostok: Dumas, 2004. 280 p. (In Russ.)
7. *Demенок M. S.* Window to an open world. Vladivostok: Far Eastern Book Publishing House, 1990. 212 p. (In Russ.)
8. *Demенок M. S.* Bow to the green cedar. Vladivostok: Dumas, 2001. 272 p. (In Russ.)
9. *Karaulov Yu. N.* Russian language and language personality. Moscow: Book House «LIBROCOM», 2019. 264 p. (In Russ.)
10. *Konyushkevich M. I.* On the scale of similarities and differences: the category of comparison in Russian and Belarusian. Grodno: Grodno State

University named after Ya. Kupala, 2018. 435 p. (In Russ.)

11. *Marinchenko I. A., Vasil'eva E. V.* "Taiga surprises" in children's prose by Mikhail Demenok. *Russkaya Rech = Russian Speech*. 2021;4:97–107. (In Russ.) <http://doi.org/10.31857/S013161170016217-7>.

12. *Samchik N. N.* Category of comparison and ethno-linguistic picture of the world. *Baltiyskiy*

gumanitarnyy zhurnal = Baltic Humanitarian Journal. 2019;8,3(28):360–362. (In Russ.) <http://doi.org/10.26140/bgz3-2019-0803-0090>.

13. Language and culture of the Russian North: on the issue of the regional linguistic picture of the world. Collection of scientific works / T. V. Simashko (ed.). Arkhangelsk: Solombala Printing House, 2013. 416 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ирина Александровна Маринченко, кандидат филологических наук, доцент

Елена Васильевна Васильева, заведующий информационно-библиографическим отделом библиотеки

Irina A. Marinchenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Elena V. Vasil'eva, Head of the Information and bibliographic department of the library

---

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 10.04.2022.

The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 10.04.2022.